Жизнь или смерть!

Трагедия в 2-х действиях с прологом и эпилогом, соч. Н. И. Тимковскаго и В. М. Дорошевскаго.

(Трагедия эта служит продолжением пьесы «Дело жизни». Представляется по вечерам. Начинается в час ночи. Окончание около 7 часов утра).

ДЕЙСТВУЮЩИЯ ЛИЦА:

Гаврила Гаврилович Народниковъ. Марксъ Марковичъ Марксистовъ. Анна, — Народникова жена. Татьяна, — Народникова дочь. Доктор (и Акушерка) они же ангелы. 1-й помѣщикъ (и 2-й помѣщикъ) они же черти. Г. Тимковскій, авторъ пьесы «Дѣло жизни».

Зритель, — попалъ въ театръ. Капельдинеръ, — много пьесъ на своемъ вѣку видѣлъ. Яки, баки и паньши, голуби чистотой и правдивыми арапы.

ПРОЛОГЪ.

Малый театръ. Въ зрительномъ залѣ сидятъ одинъ человекъ.

Г. Тимковскій (со сцены. Наставительно). — Ученье (съ просвѣтленнымъ лицомъ) — свѣтъ. Неученье (мрачно сдвигаетъ брови) — тьма. (Убѣжденно). Мракъ есть зло! (Сжимая кулаки). Съ мракомъ надо бороться!

Зритель (вынимая часы. Болѣзненно). — Николай Ивановичъ! Половина первого! Ей-Богу, половина первого!

Г. Тимковскій (поднимая палецъ). — Съ невѣжествомъ, говорю я, надо бороться! (Съ глубокой увѣренностью). Мужика надо дѣлать! Лѣкарства помогаютъ въ болѣзняхъ. Скрипку цѣнять по тону. И въ рублѣхъ почтенна добродѣтель.

Зритель (вскликая). — Николай Ивановичъ!!! Зачѣмъ же вы мнѣ этого раньше не сказали?! Вы могли мнѣ это сказать въ 8 часовъ. Теша съ тридцати пяти минутъ первого-жъ! Я ухажу! (Идетъ).

Г. Тимковскій (внѣ себя). — Держи его! Спеленать каналью! Къ креслу его приближаться!

Капельдинеръ (приблизившая зритель къ креслу марлей). — Не препятствуйте, господинъ! Готово!

Г. Тимковскій (подходя ближе, тихо и умиленно). — Деревню любить нужно! Деревня темна. Ее учить нужно! Деревню дѣлать нужно. Ее любить нужно, — деревню-то, говорю я. Деревню!

Зритель (привязанный. Съ помутившимися глазами). — Ненавижу я вашу деревню! Ненавижу! Я сейчасъ въ провинцію поѣду! Я деревню сожгу! Я имъ эпидемію пушу! Я оспу имъ привью! Я такое сдѣлаю, такое... (Корчится въ судорогахъ).

Г. Тимковскій (подходя еще ближе). — Любить ее надо, деревню! (Наклоняясь надъ зрителемъ, проникновенно). Жалѣть ее надо! Жалѣть!

Зритель (впадая въ безпамятство). — Уб...лю... де...рев...ню... уб...

Капельдинеръ. — Кажется, кончился.

Г. Тимковскій (стучитъ обмершему пальцемъ въ лобъ). — Ученье — свѣтъ, а неученье — тьма. Съ невѣжествомъ надо бороться. Мракъ вреденъ, свѣтъ полезенъ. (Слышенъ тихій стонъ). Я тебя начину, каналью! (Нагибается обмершему къ уху и шепчетъ). Скрипку цѣнять по тону. И въ рублѣхъ почтенна добродѣтель.

Капельдинеръ (шатаясь). — Миѣ душно.

Г. Тимковскій (смотритъ на него орломъ. Ударяя себя обѣими руками въ грудь). — Дважды два — четыре! Что ты можешь на это возразить?

(Занавѣсъ быстро падаетъ. Изъ за занавѣса слышно: «трижды три — девять!»).

ДЕЙСТВИЕ I.

Красивое мѣстоположеніе. Ложбника. Съ одной стороны деревня, съ другой — фабрика, посерединѣ — столъ. На столѣ выпки и медикаменты.

Акушерка (входя, радостно). — У бабы Матрены сейчасъ тройню приняла. Цѣлую тройню! (Восторженно). «Съйте разумное, доброе, вѣчное!»

Докторъ (поправляя очки). — Съйте. Акушерка. — А что бы мужику Каллистрату дать? У него 42 и 4.

Докторъ (поправляетъ очки). — Дайте ему хинину. (Подаетъ ей порошокъ). «Съйте разумное, доброе, вѣчное!»

(Пожимаютъ другъ другу руки и уходятъ рука объ руку).

1-й помѣщикъ (входя). Мужика — съдрать шужно!

2-й помѣщикъ. — Драть, да изъ «Гражданина» приговаривать: «Не мужичеству! Не мужичеству!» Принудительно ему въ это самое время «Гражданинъ» читать! Еще неизвестно, что подѣйствительнѣй!

1-й помѣщикъ. — Вѣдь я сейчасъ у Маркса Марковича Марксистова человекъ!

2-й помѣщикъ. — Вкусно?

1-й помѣщикъ (цѣлуя пальчики). — Соусъ какой! И вѣдь что бы, казалось? Простой деревенскій человекъ. А до какой онъ его мягкости довелъ! Нѣжности!

2-й помѣщикъ. — Да, ужъ такъ приготовить мужика, какъ Марксъ Марковичъ Марксистовъ, никто не приготовитъ!

1-й помѣщикъ. — Да я вамъ все сейчасъ расскажу, какъ мужика сдѣлать мягче! (Садятся въ сторонкѣ и съ упоениемъ говорятъ. По временамъ только доносится: «Студень изъ челоуческой губы!» «А почку ему зажарить!» И поцѣлуи пальчиковъ).

Татьяна (Народникова дочь, выходя изъ за фабричной трубы въ большой задумчивости. Она все слышала). — Никто такъ не сумѣетъ приготовить мужика, какъ Марксъ Марковичъ... А отецъ! (Съ глубокимъ вздохомъ.) Бѣдный отецъ! Всю жизнь ты хочешь приготовить мужика, и у тебя ничего не выходитъ!

(Входятъ Марксистовъ и Анна, Народникова жена).

Анна (съ нервничательности). — А мужъ говорить, что деревню надо любить!

Марксистовъ (онъ съ зубочисткой). — А по всему, деревню нужно ненавидѣть.

Анна (со вздохомъ). — Ахъ, какъ вы это справедливо говорите!

Марксистовъ (съ увлечениемъ). — Я самъ мужика люблю. Напримѣръ, подъ кислымъ соусомъ. Жареный на фабричномъ котлѣ русскій мужикъ! Могу сказать: «Люблю отчизну я, но странною любовью».

Анна (качая головой, но не безъ нѣжности). — Людоѣдъ!

Марксистовъ. — Людоѣдъ, — и горжусь этимъ! (Смотритъ на нее такъ, какъ учитель смотритъ только одинъ г. Южинъ). Послушайте, уѣдемъ со мной, а?! За границу, — и будемъ жить припѣваючи. Вы на рояли играть будете. А я вамъ буду припѣвать!

Анна (колеблясь). — А у васъ есть голось?

Марксистовъ. — Все есть!

Анна. — Поѣдемте!

(Уходятъ).

Татьяна (выбѣгая). — Мать пошла съ Марксистовымъ...

Марксистовъ (возвращаясь одинъ). — Здравствуйте, Танюша!

Татьяна (съ ужасомъ). — Я васъ боюсь!

Марксистовъ. — А вы когда сердитесь, — у васъ на лбу этаная складочка, какъ у мамаша вашей! (На лицѣ у него «этакое разсужденіе»). Ужасно вы на свою мамашу похожи! (Смотритъ на нее такъ, какъ во всемъ мѣрѣ можетъ смотрѣть только одинъ г. Южинъ. И уходитъ).

Татьяна (схватываясь за сердце и качаясь на ногахъ). — Ахъ!

Докторъ (входитъ). Подаетъ ей руку. Дружески). — Съйте разумное...

Татьяна. — Ахъ, отстаньте вы отъ меня съ вашимъ разумнымъ! (Внѣ себя).

Не хочу я съять! (Топаетъ ногами).

Не хочу, не хочу, не хочу!

Докторъ (поправляя очки). — Что же вы хотите?

Татьяна. — Я жать хочу! Попымаете вы, — жать! Довольно папаша всю жизнь просѣнлъ! Я жать хочу! Жить и жать, жать и жить!

Докторъ (поправляя очки). — Пойти кому-нибудь нарывъ разрѣзать! (Уходитъ, повторяя, чтобъ не забыть: «Съйте разумное, доброе, вѣчное»).

Татьяна (внѣ себя). — Марксъ! Марксъ!

Марксъ! (Обнимаетъ фабричную трубу и цѣлуетъ ее). Марксъ! (Въ рыданіяхъ убѣгаетъ).

Народниковъ (выходя изъ кустовъ. Онъ все слышалъ, но у Марксистова на него вексель, и онъ не хотѣлъ показываться кредитору на глаза. Съ отчаяніемъ). — Да что же это такое?

А? Все взялъ, все покорилъ, все ему принадлежить! Мужиковъ развратилъ; на гармонию играютъ! Онъ на моей женѣ женится! Онъ на моей дочери женится! (Хватаясь за голову). Онъ на мнѣ еще женится! (Въ безуміи). Нѣтъ! Пускай ужъ лучше жена съ намъ бѣжитъ! (Кричитъ вслѣдъ Марксистову). Увозите мою жену! Богомъ васъ молю: увозите! (Въ рыданіяхъ падаетъ).

1-й помѣщикъ (оторопелъ). — А особливо хорошо, если ему уши мелко порубить, да съ лучкомъ...

(Занавѣсъ)

ДЕЙСТВИЕ II.

Комната у Народникова. Мебель. На мебели печатя. Татьяна и Анна.

Татьяна. — Ты, мама, сегодня уѣзжаешь?

Анна. — Сегодня, дочка, уѣзжаю.

Татьяна. — Ты, мама, съ любовникомъ уѣзжаешь?

Анна. — Съ любовникомъ, дочка, уѣзжаю.

Татьяна. — А хорошо, должно-быть, уѣзжать съ любовникомъ?

Анна. — Очень пріятно.

Татьяна (въ задумчивости). — Странно, однако, онъ мнѣ что-то говорилъ.

Анна. — И вовсе неправда. И вовсе не тебѣ, а мнѣ. «Ваши, — говорить, — достоинства, Анна Родионовна»...

Татьяна. — Ахъ, маменька, онъ это мнѣ говорилъ. «У васъ, — говорить, — складочка!»

Анна. — Вѣчно спорить, неспоная дѣвчонка. Это мнѣ онъ про складочку. «Въ вашихъ, — говоритъ, — бровяхъ складочка!» И при этомъ такъ на меня посмотрѣлъ!

Татьяна. — Онъ и на меня такъ посмотрѣлъ!

Анна. — Ну, вотъ важность, что посмотрѣлъ! Мимоходомъ! «Дай, думаетъ, я и на нее посмотрю!»

Татьяна (съ слезами). — Мама, это ужъ изъ «Ревизора».

Народниковъ (входя съ Марксистовымъ. Старается быть веселымъ). — А вотъ и Марксъ Марковичъ! Забѣхалъ къ намъ! Не забылъ общація. Все, душенька, тебя увезти хочеть. Ну, счастливаго вамъ, господа, пути! Играйте на рояли, пѣсь не забываете! А если тебѣ, Анна, надоѣсть за границей на рояли играть, — ты мнѣ въ виду, пожалуйста, ко мнѣ! Непременно! Буду очень радъ! Во всякое время!

Марксистовъ (кланяясь). — Ваши гости! Ваши гости!

Анна (поворачиваясь). — Я не ѣду! Народниковъ (растерянно). — Какъ не ѣшь? Все уложили...

Анна. — А такъ — не поѣду и не поѣду! Вотъ и весъ сказъ!

Марксистовъ (демонически). — Опять одинъ! Опять я свръ! (Вынимаетъ изъ кармана вексель Народникова и жемъ). Вотъ твой вексель.

Народниковъ (недоволенъ). — Что же это ты, Марксъ Марковичъ, все мои векселя рвешь? Какую моду взялъ! Я напущу векселя, а ты разорвешь. Я новый напущу, а ты опять разорвешь. Вѣдь, этакъ я, братъ, на одну вексельную бумагу разорюсь!

Марксистовъ. — Прощайте! (Уходитъ).

Народниковъ (потирая руки). — Вотъ и умища, Анна, что не поѣхала. Осталась! Заливемъ теперь отащично. Съять будемъ!

Анна (при словѣ «съять» посмотрѣла на него съ ужасомъ).

Народниковъ. — Съять разумное, доброе, вѣчное...

Анна (трясаясь всѣмъ тѣломъ, глаза безумные). — Опять съять? Мало ты съялъ! Извергъ ты сѣяный!

Народниковъ. — Деревню любить надо...

Анна. — Ненавижу! Нена... (За кулисами вопли ужаса).

Г. Тимковскій (высовываясь изъ ложи). — Что тамъ случилось?

Капельдинеръ. — Зритель отблнтоваалъ. Побѣждалъ, деревню поджегъ!

Народниковъ. — Деревня горитъ! Деревню любить нужно! Деревню тушить нужно! Что же ты, Анна! Тая?

Татьяна (съ изступленіемъ). — Пусть она горитъ, ваша деревня! Ненавижу! Ненавижу!

Народниковъ (въ растерянности). — Вотъ такъ посѣялъ любовь къ деревнѣ! Одинъ народу мѣшать поѣду! (Уходитъ).

Татьяна (вслѣдъ ему). — Нѣтъ, стой, отецъ! И я бѣгу тушить! Дай мнѣ книжку — залить народное бѣдствіе! (Надѣваетъ пожарную каску). Да здравствуетъ женская пожарная команда! (Убѣгаетъ).

Анна (садится за рояль. Глаза у Анны выльзели изъ орбиты и безумны. Она дико хохочетъ и начинаетъ играть. Пожаръ пылаетъ, Анна играетъ).

Самъ г. Тимковскій (высовываясь изъ ложи и въ ужасѣ показывая на нее пальцемъ). — Перопица! (Занавѣсъ).

ЭПИЛОГЪ.

7 часовъ утра. Коридоръ Малаго театра.

Зритель (въ изнеможеніи). — Капельдинеръ, калоши. Гдѣ ты посѣялъ мои калоши?

Капельдинеръ (въ умоизступленіи, безпамятствѣ и безуміи). — «Съйте разумное, доброе, вѣчное»... (Разбрасываетъ калоши во все стороны).

Г. Тимковскій (потирая руки). — Усвоила!

Я. — Еще никогда такіа хорошіа слова не были такъ съверно произносимы, какъ въ этой пьесѣ.

В. ДОРОШЕВИЧЪ.